

В мае вечерний ветер в Цзянчэне приносил аромат роз, заставляя хрустальные люстры в банкетном зале переливаться ослепительным блеском.

Хуа Цинмо стояла на винтовой лестнице. Вечернее платье цвета шампанского с глубоким V-образным вырезом подчеркивало её грациозную фигуру, но вот странность — шею обхватывал темно-фиолетовый шелковый платок, совершенно не подходящий к общему образу.

Она слегка коснулась ткани, и воспоминания о минувшей ночи нахлынули, словно прилив. Под воздействием алкоголя на её щеках проступил неуместный в этой обстановке румянец. Семья Хуа всю ночь поднимала на ноги всех знакомых, разыскивая её, а она в это время предавалась утехам в клубе Цзюэцин с ослепительной моделью.

— Слышали? Дочка семейства Хуа опять вляпалась в историю.

— Еще бы. Старик Хуа от злости чуть Богу душу не отдал.

Шепот достиг её ушей, и взгляд Хуа Цинмо похолодел. Она, ступая на десятисантиметровых каблуках, изящно спускалась по лестнице, но, услышав еще более гнусные пересуды, резко остановилась.

— Как в семье Хуа могла вырасти такая дочь? Наша барышня-ваза в очередной раз позорится на людях.

— Посмотри на этот нелепый платок. Наверняка вчера она кувыркалась с каким-нибудь проходимцем и теперь пытается это скрыть.

Хуа Цинмо резко развернулась, схватила со стола бокал шампанского и плеснула в говоривших:

— Повтори, что ты сказала?

В зале поднялся шум. Фэн Цзинчэнь, пришедший сюда ради праздного любопытства, затесался в толпу и остановился, замороженный Хуа Цинмо.

Женщина, на которую попало шампанское, с визгом бросилась на неё. Хуа Цинмо увернулась и в ответ отвесила ей пощечину. В суматохе кто-то наступил ей на подол, и платье предательски треснуло. Платок на шее сорвался — темно-фиолетовая ткань медленно опустилась на пол, обнажая кровавые царапины, переплетающиеся с алыми следами поцелуев.

Глаза Хуа Цинмо пылали яростью:

— Насмотрелись?

— Так вот зачем она нацепила этот дурацкий платок! Оказывается, она уже всю кувыркалась в постели с любовником!

— Говорят, она вчера сняла президентский люкс в Цзюэцин.

— Тц-тц, посмотрите на эти следы от зубов, какая же она распутница!

Хуа Цинмо холодно смотрела на сплетниц, слегка приподняв уголки губ, и вылила остатки шампанского прямо на голову одной из них. Другая даже не успела среагировать, как Хуа Цинмо схватила со стола торт и с силой запустила ей в лицо, размазав крем по щекам. Брызги фруктового джема полетели на дорогие наряды гостей, крики смешались со звоном разбитого фарфора.

Рука Хуа Цинмо, сжимавшая столовый нож, слегка дрожала, а на губах играла ироничная усмешка — словно она насмеялась над фальшивыми лицами всех присутствующих в этом фарсе.

— Довольно! — взревел отец Хуа Цинмо, Хуа Юйчэнь, так что хрустальная люстра задрожала.

Пуговицы на пиджаке этого делового магната от ярости едва не вылетели, галстук съехал набок. Он в два счета подскочил к дочери и, впившись пальцами с вздувшимися венами в её плечо, прорычал:

— Посмотри на себя! Сегодня здесь собрались все уважаемые люди Цзянчэна на помолвке твоего брата, тебе мало позора?

— Позор? — Хуа Цинмо внезапно запрокинула голову и расхохоталась. Взгляд её под испачканными кремом ресницами был холоднее льда. — Когда вы привели в дом эту безродную внебрачную дочь, чтобы сделать её моей невесткой, вы должны были понимать, кто именно позорит семью Хуа!

Она с силой опрокинула резной круглый стол, и изящные бокалы, падая, разлетелись на тысячи искристых осколков.

Позади толпы Хуа Иань сжал кольцо для помолвки так, что побелели костяшки пальцев. Этот всегда мягкий и обходительный брат сейчас смотрел на неё налитыми кровью глазами, а его кадык судорожно дергался:

— Хуа Цинмо! Немедленно извинись перед отцом!

Не успел он закончить, как Фэн Ваньнин ступила на осколки стекла. Её костюм от Шанель был испачкан крошками торта, но она сохраняла элегантность:

— Цинмо, думаю, ты меня в чем-то неверно поняла. Сестренка, даже если у тебя есть причина для обиды, не стоит устраивать скандал на помолвке. Ты же расстраиваешь папу и брата.

Фэн Ваньнин прикрыла рот ладонью и тихо рассмеялась, хотя в глубине её глаз застыл лед. Она коснулась дрожащей руки Хуа Ианя и прошептала:

— Братец Иань, твоя сестра, похоже, совсем обезумела от злости, несет всякий бред.

Она нарочито прильнула к Хуа Ианю, её жемчужная серьга задела его покрасневшую мочку уха, сверкнув в толпе холодным блеском.

— Замолчи! — Хуа Цинмо резко развернулась, её волосы хлестнули по лицу. — Лу Ваньнин, ты думаешь, если сменишь фамилию, то скроешь свое происхождение? Внебрачная дочь семейства Фэн, ты надеялась, что, выйдя замуж за Хуа, взлетишь на вершину?

Она схватила валявшиеся на полу розы и, разбрасывая лепестки, направила острые шипы прямо в лицо Лу Ваньнин:

— Твоя личность уже давно известна всему Цзянчэну!

Фэн Ваньнин в испуге отступила на полшага. На её безупречно накрашенном лице промелькнула растерянность, но она тут же сменила её на выражение обиды и, повернувшись, уткнулась в грудь Хуа Ианя:

— Братец Иань, мне так страшно...

Её хрупкий вид окончательно вывел Хуа Ианя из себя. Он отстранил Фэн Ваньнин и широким шагом направился к Хуа Цинмо, в его глазах читались разочарование и гнев.

Но прежде чем рука Хуа Ианя опустилась, вращающиеся двери банкетного зала с грохотом распахнулись. Полуденный зной ворвался внутрь вместе с потоком горячего воздуха.

— Кто позволил вам трогать мою дочь?! — Фэн Цзюньчэн, богатейший человек Цзянчэна, вошел в зал широким шагом. Его строгий темно-синий костюм холодно блестел в прохладе кондиционированного воздуха, седые виски слегка подрагивали от быстрой ходьбы, а мрачный взгляд обвел присутствующих. Позади него выстроились телохранители в строгих костюмах.

Охранники мгновенно взяли всех в кольцо, и лязг металлических пряжек в наступившей тишине звучал пугающе четко. Фэн Цзюньчэн, чьи глаза налились кровью, посмотрел на занесенную руку Хуа Ианя, и из его горла вырвался звериный рык, от которого с люстры посыпались хрустальные подвески.

Он в два счета оказался перед Фэн Ваньнин, сметая на пути накрытые столы. Широкие ладони бережно защитили дрожащие плечи дочери, но, коснувшись её мокрых волос, он сжал их сильнее и повернулся к Хуа Юйчэню. Его взгляд был подобен льду:

— Таково воспитание в доме Хуа — публично издеваться над беззащитной женщиной?

Кончики пальцев Фэн Ваньнин, сжимавших жемчужную сумочку, побелели, а глаза, полные слез, украдкой скользнули по напряженной челюсти Фэн Цзюньчэна. Когда Фэн Цзюньчэн начал давить на Хуа Юйчэня, она вдруг покачнулась, опираясь на спинку стула, и слабым,

дрожащим голосом произнесла:

— Папа, не злись, это всё моя вина...

Не успела она договорить, как Хуа Цинмо, стуча каблуками, подошла вплотную, и её яркие ногти чуть не вонзились в кончик носа Фэн Ваньнин:

— Хватит притворяться святошей! Ты всего лишь приживалка, которую притащила с собой любовница!

Фэн Ваньнин в суматохе вдруг сжалась, прикрывая живот, и всхлипнула так, чтобы все слышали:

— Сестренка Цинмо, не надо так... У меня ведь ребенок от братца Ианя...

В углу слышались подавленные вздохи, а под опущенными ресницами Фэн Ваньнин на мгновение мелькнула хитрая улыбка. Хуа Юйчэнь вцепился в спинку резного стула так, что вздулись вены, а зрачки задрожали. Он месяцами скрывал новость о беременности, но сейчас одно легкое слово Фэн Ваньнин разнесло его планы в клочья.

Хуа Иань вонзил ногти в ладони, его бледное лицо покрылось болезненным румянцем, а из горла вырвался надрывный стон.

— Ваньнин! — Фэн Цзюньчэн обвел всех взглядом, острым, как у ястреба, и, указав на присутствующих, прогремел: — Из-за того, что произошло сегодня, семья Хуа обязана дать ответ моей дочери!

<http://bllate.org/book/21398/2182073>